

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

8
3-81

РАЗГРОМ

РОМАН

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

111834



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОСКВА — 1938

3.754

Державна Публична
БИБЛИОТЕКА УРСР
№ 744806

Селенко-63

Редактор Н. Гольдман. Техни-
ческий редактор Ап. Цыппо.
Корректурная бригада Ю. Стру-
жестрах. Выпускающий на про-
изводстве В. Атлас. Заказ
издательства № 11. X-000.
Э 79. Форм. бумаги 82 × 110¹/₃₂.
83 печ. листа. 35,7 учетно-
авторских листа. 33,12 автор-
ских листа. Тираж 100 000.
Уполн. Главл. Б-32811, Сдано
в набор 8 января 1938 г. Подпи-
сано к печати 28 января 1938 г.
Заказ типографии № 135. Отпе-
чатано на бумаге Окуловского
писчебумажного комбината
им. Ярославского.
Цена 2 руб. 75 коп. Перепл. 1 руб.

1-я Образованная типография
Офица РСФСР треста "По-
лиграфкнига". Москва, Вало-
вая, 28.

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
УРСР

~~ВВ 253971~~

„Разгром“ — исторический роман. Он дает правдивое и яркое описание седанской катастрофы, которой закончила свое бесславное существование так называемая Вторая империя во Франции. Луи-Наполеон, политический фокусник, сделавшийся императором при помощи провокации, вошедшей в историю под именем „Восемнадцатое Брюмера“, сверг Францию в кровопролитнейшую войну. Он пошел на эту войну, потому что терял под собою почву; этой войной он надеялся поддержать и укрепить свою империю, трещавшую по всем швам. Но в этой войне империя Луи Бонапарта „распалась, как карточный домик“.

„Эксплуатация Франции шайкой политических и финансовых авантюристов“ — вот какое определение Второй империи давал Энгельс. Маркс говорил о том, что „уловками“ Второй империи были: „ее фактический деспотизм и призрачная демократичность, ее политические фокусы и финансовые мошенничества, ее высокопарные фразы и самое низкое жульничество“.

Эмиль Золя, писатель-демократ, с величайшим негодованием разоблачал в своих романах этот гнусный режим. Он показал со всей убедительностью, что этот режим постепенно разъедал и обессиливал Францию, что он был позорной страницей французской истории. „Разгром“ является как бы итогом этих гневных и глубоко обоснованных разоблачений Золя.

Действие романа начинается 6 августа 1870 года в лагере под Мюльгаузенем. За два дня до этого под Вейсенбургом на границе была уже разгромлена дивизия генерала Дуэ, а шестого разыгрывается не менее несчастное для французов сражение при Фрешвиллере. Части, которые стоят под Мюльгаузенем, еще не скоро встретятся с не-

приятелем. Но и здесь уже чувствуется, что нависла большая угроза и что положение неблагоприятно. „Армия обречена на гибель“.

Надо сказать, что главари Второй империи, стремясь разжечь шовинистические настроения, не скупилась на ложь и самый наглый обман в оценке военных возможностей империи. Военный министр Лебёф заявлял Палате: „Мы готовы, архи-готовы. И если даже война продлится год, у нас не будет недостатка ни в одной пуговице для гетр“. Министр Оливье, говоря о пруссаках, хвастал: „Нам достаточно на них дунуть“. Однако, уже первые дни войны показали, что империя приготовила не победу, а катастрофу. Об этом свидетельствовали страшные поражения в Вейсенбурге и Фрешвиллере.

Об этом свидетельствовало положение, в котором очутились французские солдаты в лагере под Мюльгаузеном. Золя со свойственной ему тщательностью и точностью описывает условия, в которые была поставлена эта часть армии Мак-Магона, на судьбе которой он и показал всю седанскую эпопею. Уже под Мюльгаузеном выяснилось, что французская армия очень плохо снабжена, что солдатам нечего есть. Как только отряд начал свое продвижение к Седану, где он и был разгромлен вместе с основными силами армии, стало ясно, что эта армия находится в руках ничтожных, глупых, бездарных, ослепленных своим чванством генералов. Кругом царит невообразимый беспорядок („невероятное смешение людей, лошадей, повозок“), части продвигаются вперед, а потом столь же бесцельно отводятся обратно, никто не знает, какой смысл имеют все эти перемещения.

Золя с очень горькой иронией пишет о том, что простой служащий Вейс гораздо более здраво рассуждает о сложившейся военной обстановке, чем бездарные генералы Второй империи.

Со столь же горькой иронией рассказывает Золя о том, что у французских офицеров не оказалось карт местности, в которой им пришлось действовать.

Буквально ошущую, точно впотьмах, ползла к Седану Шалонская армия. Никто из ее руководителей не имел представления о том, где же находится противник, что не раз порождало самую дикую и позорную панику, — во французской армии не было хоть сколько-нибудь налаженной связи со своими частями, которые передвигались рядом.

Между тем Франция была наводнена немецкими шпионами, и прусский штаб был осведомлен буквально о каждом шаге французских войск, о каждом решении французского командования. В романе показаны зловещая фигура шпиона-пруссака Голиафа и приемы работы этого разведчика. Золя свидетельствует, что шпионская деятельность многих тысяч агентов, подобных Голиафу, не встречала никаких препятствий; шпионы пользовались полной свободой в той обстановке беспечности, которая царила во французской армии и в тылу.

Золя описывает, как среди французских солдат назревало возмущение, как все более ясно становилось им, что их предали. Золя с большой симпатией рисует солдатскую массу, ее мужество, способность сохранять присутствие духа в самых тяжелых обстоятельствах, ее энергию и жизнерадостность. Капрал Жан, которого война оторвала от крестьянского труда, является в этом смысле наиболее яркой и характерной фигурой. Жан, умеющий заразить окружающих волей к победе, всегда готовый поддержать товарища в несчастье, показан в простом и скромном величии народного героя.

Здесь возникает противопоставление, настойчиво подчеркиваемое Золя. „Нация, наделенная исключительными военными способностями“, превосходный человеческий материал, из которого состояла французская армия, — и тот безобразный, преступный режим, который обрек эту колоссальную силу на поражение. Бездарные, ничтожные генералы, целая стая спекулянтов, наживающихся на армии, отсутствие хоть сколько-нибудь целесообразного стратегического плана, — вот что привело Шалонскую армию к поражению. Измотанные, деморализованные части подошли к Седану. Здесь Золя впервые описывает сражение. Бои в Базейле, знаменитая атака конницы генерала Маргерита, отступление к Седану — все эти моменты с большой силой отображены в романе.

Золя дает полное и яркое представление о том, как происходило историческое сражение. В романе приведено точнейшее описание местности и весьма подробно изложены все обстоятельства боя. Перед читателем — яркая, убедительная, насыщенная жизнью картина. Золя с величайшим вниманием присматривается к тому, как ведут себя в условиях боя солдаты и командиры, и делает множество глубоких наблюдений. Перед взором читателя открывает-

ся как бы гигантская военная панорама. Читатель чувствует себя в самом центре событий, перед ним раскрываются все сложные взаимоотношения большой битвы. Правдивость, простота, реализм описаний Золя очень убедительны.

Под Седаном полностью обнажается то, о чем только догадывались солдаты и честные командиры во время передвижения из-под Мюльгаузена. Вступив в бой, французские части проявили огромное мужество и дрались с исключительным упорством. Золя показывает, как оборона Базейля сделала героями многих французов и не бывших солдатами. Сцена в доме Вейса, превращенном в баррикаду, сцена расстрела Вейса пруссаками — написаны с большим подъемом.

Золя подробно описывает чрезвычайно невыгодную позицию, которую заняла французская армия под Седаном. Золя с негодованием говорит о том, что ничтожное французское командование (оно допускало одну „неправильную оплошность“ за другой) ничего не сделало для того, чтобы помешать пруссакам осуществить окружение Седана, чтобы разомкнуть „тиски“, в которые они стремились зажать французскую армию. Под Седаном потерпел полное поражение режим Луи Бонапарта!

В романе убедительно показано, что успех охватывающего маневра под Седаном, вскруживший голову „прусской военной камарилье“, объяснялся исключительно тем разложением, до которого довели французскую армию ее продажные и бездарные руководители.

Катастрофа неизбежна. Сражение под Седаном было проиграно, и вся французская армия была зажата во вражеском кольце. 2 сентября она сдалась в плен.

Разбирая причины седанской катастрофы, Золя говорит и о военной технике. Он показывает, что французская армия была вооружена хуже, что французские пушки били ближе, чем пушки пруссаков.

Не раз на кровавом фоне седанской битвы появляется отвратительная фигура Луи-Наполеона, как призрак возникающего то там, то здесь в сопровождении своей некогда блестящей свиты. Мутный, осоловелый взгляд старого демагога, его нарумяненное и напудренное, чтобы скрыть мертвенно-землистый цвет, лицо — Золя описывает с негодованием и презрением.

Жалкую растерянность, которая охватила этого ничтожного канатного плясуна, а вместе с ним и весь его

бездарный генералитет, Золя описывает, противопоставляя этой нечисти простое и крепкое мужество французских солдат. Позор Седана, позор „войны исключительно династической“ он справедливо относит за счет прогнившего и преступного режима Второй империи.

„Полная гнилость бонапартистского милитаризма выплыла наружу“, — писал Маркс в связи с седанским разгромом. Вот эта самая „гнилость“ с достаточной убедительностью и разоблачена в романе Золя. Как честный демократ, Золя пишет об этом с глубочайшим негодованием.

Наибольшее внимание Золя уделяет французской армии, пруссаки всегда на втором плане. Несмотря на это, в романе убедительно показаны кровожадность, хищничество, звериная жестокость прусского империализма. Чем дальше продвигаются в глубь Франции пруссаки, тем больше разгораются аппетиты завоевателей. Легкий успех кружит им голову, с каждым днем все более цинично издеваются они над родиной Жана, проявляют все большую разнузданность. Хищную, звериную хватку оголтелого врага Золя изобразил с негодованием настоящего патриота.

Мужественное поведение Жана, прошедшего сквозь все испытания седанской катастрофы, героизм других солдат и честных командиров, героизм многих мирных жителей Седана и окрестностей Золя описывает с большой взволнованностью. Он видит в этом проявление той энергии, которую с неслыханным цинизмом душил режим Луи Бонапарта. Он обращается к народу с призывом создать новую Францию. Он очень резко говорит о лживом патриотизме фабриканта Делагерша, который готов предать родину, лишь бы осталась в целости его шелковая фабрика; он резко обличает хищничество и продажность кулака Фушара, который беззастенчиво наживается на войне. Нет, не эта черная накипь представляет нацию, — хочет сказать Золя. Народ, сыном которого является капрал Жан, вот единственная сила, которая защитит родину. В этом смысле книга Золя подлинно патриотична.

Рядом с мужественной фигурой Жана в романе почти всегда мы видим Мориса Левассёра. Это человек беспочвенный, легко поддающийся панике и любитель цветистых фраз. Под влиянием луи-наполеоновской демагогии Морис, как и многие французы его времени, пришел на войну с убежде-

нием, что она принесет легкую победу и что вообще война это — „закон жизни“. Много раз на протяжении романа Морис излагает свою вздорную „теорию“. Действительность разбивает ее впрах. И Золя противопоставляет трескучей болтовне Мориса здоровый и подлинный патриотизм Жана, который по-настоящему любит свою родину и на деле готов защищать ее от врага.

В романе менее подробно описываются события, следовавшие за сдачей Седана. Лишь мельком говорится о том, что предатель Базен сдал неприятелю другую крупнейшую французскую крепость Мец. В самых общих чертах говорится о втором периоде франко-прусской войны, когда были сформированы новые армии и была сделана попытка остановить вторжение прусских войск.

Заключительные главы романа посвящены описанию осады Парижа и событий Парижской Коммуны. Золя, проявлявший большую смелость в разоблачении капитализма, подошел к описанию Парижской Коммуны с типичным для буржуазного демократа предубеждением. Этот пример нам лишний раз показывает, что даже крупные писатели капиталистического мира далеко не всегда и не во всем могут преодолеть свою классовую ограниченность. Но и сквозь резко недоброжелательное отношение к Коммуне в описаниях Золя проглядывает восхищение тем мужеством, которое проявил французский народ в дни Коммуны.

Золя превращает в коммунара Мориса, которого мы уже знали по седанским событиям как человека путаного и неуравновешенного (он и в Париже „опять мучится недугом недоверия“). Подобный „деятель“ не имеет ничего общего с подлинными героями Парижской Коммуны.

Золя оказался не в состоянии дать серьезное исследование возникновения Парижской Коммуны и ее падения, как он это сделал при описании седанского разгрома. Одной из основных ошибок Коммуны было то, что она не установила союза с крестьянством. Это привело к тому, что крестьяне не поддержали Коммуну. Золя нарядил Жана в мундир версальца. Но ведь в этом герое он видит воплощение лучших качеств французского народа: таких людей, как Жан, не было и не могло быть среди версальцев; контрреволюция могла привлечь на свою сторону только кулацкие элементы и наиболее отсталых и несознательных людей деревни. Здесь Золя дал совер-

шенно неправильную картину, исказив в заключительных главах образ Жана.

Жану с его природным умом, с его пониманием всей гнусности не только луи-наполеоновского, но и всего капиталистического мира, гораздо более свойственна роль друга и союзника восставших рабочих Парижа.

Золя заканчивает свой роман предсказанием „обновления вечной природы, вечного человечества“, он пишет прекрасную заключительную фразу: „Опустошенное поле ждало пахаря; сожженный дом лежал в развалинах, и Жан, которому больше всего пришлось пережить унижений и мук, пошел навстречу будущему — ему предстояла великая и трудная задача пересоздать всю Францию“, — в этих мощных словах проявляется вера в свой великий народ и любовь к своему великому народу, которыми проникнуто творчество писателя, создавшего „Разгром“.

Когда советский гражданин читает книгу „Разгром“, он не может не вспомнить гнилую царскую империю, бездарных и продажных генералов, русско-японскую войну 1904—1905 гг. и империалистическую войну 1914 г.

„Все сгнило, — писал Энгельс в связи с франко-прусской войной, — атмосфера разврата, в которой жила Вторая империя, наконец, возымела влияние на главную опору этой империи — на армию... В час испытания нечего было противопоставить врагу, кроме славной традиции и врожденной храбрости солдат, а этого одного недостаточно для поддержания чести первоклассной армии“.

Разве эти слова Энгельса нельзя отнести к последним войнам царской империи. Все это было, но это никогда больше у нас не повторится.

Золя мечтал о том, что французские Жаны, олицетворяющие весь народ, освободят свою родину от дворцовой плутократии, от зажившего, продажного и бездарного генералитета, что Жаны построят во Франции новую жизнь и для обороны ее создадут мощную армию.

Задача несравненно более великая, чем та, о которой мог мечтать буржуазный демократ Золя, разрешена в Советском Союзе. Наш великий советский народ под руководством коммунистической партии разрешил всемирно-историческую задачу построения социализма, завоевал свободную, культурную и зажиточную жизнь для миллионов

людей, создал мощную и непобедимую Красную Армию, вооруженную лучшей в мире техникой, надежно охраняющую границы страны социализма. Посягнувший на эти границы враг получит сокрушительный отпор на его же собственной территории.

Враги засылали к нам целыми пачками своих шпионов, стремясь ослабить мощь Советского Союза. Мы выкорчевали эту ядовитую нечисть и еще вырвем до конца все корешки шпионажа, на какой бы глубине они ни притаились.

Война, которую готовят черные, коричневые и прочего цвета фашистские банды, именующие свои государства империями, неминуемо окончится их полным разгромом. Советская страна и ее Красная Армия непобедимы. Залог тому — морально-политическое единство советского народа, мудрая и справедливая политика нашей партии. 90 миллионов людей, тайным голосованием выразивших полное доверие партии Ленина — Сталина, это великая, несокрушимая сила. Пусть помнят об этом враги нашей родины и их прислужники!

И. Анисимов

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

I

В двух километрах от Мюльгаузена, около Рейна, среди плодородной равнины, раскинулся военный лагерь. При потухавшем свете августовского дня, под пасмурным небом, подернутым тяжелыми тучами, белели на вспаханных полях походные палатки, сверкали солдатские ружья, поставленные в козлы, которые тянулись правильными рядами по фронту знаменной линии. Часовые с заряженными ружьями сторожили их, застыв в неподвижной позе и устремив глаза в фиолетовую полосу тумана, поднимавшегося с большой реки на дальнем горизонте.

Войско пришло сюда из Бельфора около пяти часов вечера; теперь было уже восемь, а люди только что получили пайки. Дрова не были подвезены своевременно, так что нельзя было приступить к их раздаче раньше. Пришлось отказаться и от огня, и от горячей похлебки, довольствуясь черствыми сухарями; их запивали большими глотками водки, что еще более усиливало слабость в ногах, и без того разбитых усталостью. Впрочем, двое солдат настойчиво старались разжечь небольшой костер из зеленых сучьев и стволов молодых деревьев, нарубленных ими при помощи сабель-штыков. Но сырое топливо упорно не хотело разгораться, испуская черные клубы густого дыма, который медленно тянулся в вечернем воздухе к пасмурному небу, наводившему бесконечное уныние.

В лагере было только двенадцать тысяч человек, — все, что осталось у генерала Феликса Дуэ от 7-го армейского корпуса. 1-я дивизия, вызванная накануне, отправилась во Фрешвиллер, 3-я находилась пока в Лионе, и он решил